

Юрий Дикий, Феликс Кохрихт

Рихтер Allegro «Одесса»

Ф. К.: В предыдущем, 81 номере альманаха мы начали разговор о всемирно известной одесской музыкальной школе, избрав для начала диалога (рассчитывая и на многоголосье) ее пианистическую составляющую. Гениальные Эмиль Гилельс и Святослав Рихтер, их учитель Генрих Нейгауз, их однокашники по его классу, их друзья, их окружение в одесских детстве, отрочестве, юности...

И действительно, вскоре в моей программе «Диалоги на Нежинской», посвященной нашим великим землякам, приняли участие члены семьи Потаповых – дочь Татьяна и Влада, внучка профессора математики Владимира Петровича Потапова, соученика Гилельса по Одесской консерватории, для которого он всегда оставался Милей...

Да и авторы этого и предыдущих материалов тоже так или иначе связаны с судьбами Гилельса и Рихтера.

Ю. Д.: Жена Феликса Кохрихта Татьяна Диомидовна Вербицкая – дочь Натальи Сергеевны Завалишиной-Вербицкой, которая дружила с родителями Рихтера, а для юного Светика стала музой. До конца своих дней он вспоминал и высоко ценил их совместное музицирование в четыре руки...

Ф. К.: Отец главы Миссии Давида Ойстраха и Святослава Рихтера Юрия Дикого профессор Борис Дикий тоже учился с Гилельсом в Одесской консерватории, да и его сын, Дикий-младший, гордится тем, что его педагогом была ученица Нейгауза Людмила Наумовна Гинзбург...

Одесса, 30-е годы XX века. Наталия Сергеевна
Завалишина-Вербицкая и Святослав Рихтер

И это еще не все из тех, кто входил в ближний круг наших гениев и с кем нам посчастливилось дружить, и у кого учиться.

Сейчас – о том, почему считаем важной и своевременной тему исторической памяти, на сей раз применительно к жизни и творчеству и Святослава Теофиловича Рихтера и Эмиля Григорьевича Гилельса.

Недавно, к нашему естественному чувству гордости, ЮНЕСКО признало Одессу Литературным городом. Мы уверены, что такого же статуса должна быть удостоена и наша музыкальная школа.

Но если не только творчество, но и биографии (в том числе и одесский период) наших литературных корифеев широко

известны и на родине, и за рубежом, то и великий скрипач Давид Ойстрах, и Эмиль Гилельс, и Святослав Рихтер сегодня предстают перед музыковедами, историками искусства, поклонниками их таланта лишь в официальных биографиях, статьях и книгах авторов, видевших в них гениальных инструменталистов, властителей дум и чувств, образно говоря – небожителей. К сожалению, более или менее подробно и достоверно исследовано лишь то, что связано с их жизнью и творчеством в зрелые и венчающие жизнь годы.

Увы, такова судьба многих выдающихся отечественных музыкантов, но, уверены, что в большей степени лакуны не только в творческих биографиях, но и судьбах сопутствуют Рихтеру и Гилельсу.

Продолжая тему исторической памяти, мы в этой публикации сосредоточились на жизни и творчестве Святослава Рихтера,

на одесском периоде его становления. Великому музыканту Эмилю Гилельсу и другим «питомцам гнезда Нейгауза», и не только ярким представителям одесской пианистической школы, мы посвятим материалы, которые готовим для последующих выпусков альманаха.

Юрий Дикий, работая с материалами центральных музеев и библиотек, встречался в Москве с теми, кто является или полагает себя историками того периода развития отечественного и мирового пианизма, когда признанными кумирами в нем, бесспорно, были Гилельс и Рихтер. И вот что еще тогда поразило его: удивительным образом наряду с подробным и даже скрупулезным профессиональным отображением жизни и творчества зрелых мастеров практически ничего не сказано об одесском периоде, а ведь это годы детства, отрочества, юности, годы становления и личности, и таланта...

Ю. Д.: Наиболее явственно эта тенденция проявляется в отношении Святослава Рихтера.

Ф. К.: Я не профессионал, хотя, как ты знаешь, просвещенный слушатель, которому судьба даровала и дружбу с замечательными музыкантами, и счастье наслаждаться высоким искусством. Поправь меня, если я предложу такую ассоциацию. Рискну предположить, что жизнь великого композитора или инструменталиста сравнима с симфонией, которая начинается с (сонатного. – **Ю. Д.**) *allegro*. Как правило, именно в первой части сочинения формируется будущее развитие событий и даже финал... Понимаю, что это сравнение – скорее литературное, но все же рискну предположить, что и для Светика Рихтера, и для Мили Гилельса таким *аллегро-началом* была Одесса.

Первые уроки музыки маленький Рихтер получил от своего отца, а первым не салоном, а музыкальным клубом стала одесская квартира Вербицких-Завалишиных. Ты тщательно и профессионально изучил наш семейный архив, ты встречался не только с Татьяной, но и с ее старшим братом Виктором, который хорошо помнит Светика... Ты автор нескольких публикаций об одесских детстве и юности великого Рихтера...

Знаменательно и важно, что тебе удалось не просто удивить, но и поразить самого Бруно Монсенжона – автора сенсационных фильмов о великих одесситах Ойстрахе и Рихтере.

Ю. Д.: Первый приезд в Одессу (май 2015 года) знаменитого французского кинорежиссера, скрипача, общественного деятеля Бруно Монсенжона был приурочен к длящимся юбилейным торжествам – 100-летию Святослава Рихтера. Это был своеобразный дар городу, в котором прошли юношеские годы формирования гения XX века, определенные в таком высочайшем ранге самим Г.Г. Нейгаузом.*

Фильмы Б. Монсенжона, обошедшие весь земной шар, к моменту его посещения Одессы не были широко известны не только одесситам, но даже некоторым высокопрофессиональным музыкантам.** Это было заметно по поведению слушателей и даже некоторых журналистов, пришедших на встречу с маститым режиссером на Одесскую киностудию.

Бруно Монсенжон имел все основания предстать перед одесситами в привилегированном положении дарителя уникальных материалов о Рихтере, хотя бы потому что в так называемом отечественном официозе связи Рихтера и Одессы подавались и подаются не то чтобы скупно, а попросту как враждебные. Значительнейший период жизни Рихтера в Одессе (впрочем, как и его семьи) традиционно был вынесен за скобки. Столичный расцвет гения оставался и остается доминирующим.

Неудивительно, что в юбилейных фильмах к его 100-летию центральные московские каналы «Россия» (1 канал) и «Культура» лишь мимоходом упоминают Украину и Одессу. В первом случае – это место рождения (г. Житомир), во втором – работа отца в одесской церкви и консерватории, а впоследствии расстрел отца как мотивировка игнорирования города детства и юности. До появления фильма «Земляничная поляна Святослава Рихтера» (2015), где Юрий Башмет размышляет о гранях его гения, в противовес яко-

* Э.Г. Гилельс к этому времени (1937 год) был уже признанной мировой знаменитостью, но такой чести от великого учителя не удостоился, что и вменяется в вину Г.Г. Нейгаузу нынешним поколением некоторых авторитетных авторов.

** Один из моих друзей, превосходный скрипач и композитор, удивленно спросил: «Кто это такой?».

бы одностороннему монсенжоновскому взгляду на его личность; в большом интервью на телеканале «Новая Одесса» явно сквозит вся та же московская ревность к французу, сделавшему знаменитый фильм.

Ю. Башмет, оговоривши исключительность своего признания, повествует о сложнейшем периоде до кончины маэстро, когда наступил этап его болезни, практически без материальной поддержки, без выступлений и ощутимой «властной» помощи.

Наши попытки высветить первый генерирующий период в биографии гения и предопределивший этап его мирового признания во всех его противоречиях в лучшем случае вызвали первоначально некоторое сочувствие и удивление. Во всяком случае признаки интереса к фактам 26-летнего периода его детства и юности оставались полностью заслонены празднеством последующих успехов.

Одесские меломаны длительное время попросту отмалчивались в ответ на поступающие якобы от Рихтера скудные его воспоминания, а близкие к семье Рихтеров старые одесситы, кроме немногочисленных отдельных фактов, мало что публиковали.

Прорыв в установившихся странных утверждениях отказа Рихтера то ли играть в Одессе, то ли приезжать в Одессу первоначально осуществили два одесских автора – В.А. Смирнов и В.С. Максименко. Оба с разных сторон скрупулезно и достоверно изучали и налаживали связующие нити молодого Рихтера и большого числа живущих одесситов, явно противоречащих и официально биографическим публикациям, и даже отдельным высказываниям Святослава Теофиловича. Авторами выдвигались неопровержимые документальные свидетельства обстоятельств его юности и художественного становления, практически неизвестные миру, в том числе Ю. Башмету и Б. Монсенжону.

Надо сказать, что в начале нового тысячелетия ростки интереса к юному Рихтеру пробилась и у работников мемориальной квартиры-музея Святослава Рихтера, в первую очередь у Л.Э. Кренкель и И.А. Антоновой – директорский корпус московского Пушкинского музея. Вполне возможно, что решающее значение в проявившихся контактах сыграли события в Одессе. Открытие в декабре 2002 года памятной мемориальной доски на Пасторском

доме рядом с кирхой, где органистом до 1926 года работал отец – Теофил Рихтер, и прошедший фестиваль «РИХТЕРФЕСТ-2002. Декабрьские встречи». Организованные и проведенные активом энтузиастов, впоследствии сплотившихся в Миссию Д. Ойстраха и С. Рихтера, они были истинно общественным деянием сплотившихся одесситов, получившим широкий отклик.*

Во всяком случае, в 2003 году последовало наше приглашение в квартиру-музей на концерт-встречу, которая вызвала интерес у московских меломанов – и последовал сюжет на канале «Культура». Показанные на встрече уникальные материалы одесского периода семьи Рихтеров, безусловно, вызвали интерес работников Пушкинского музея и музея-квартиры, как и отдельных знатоков, но не более. Первоначальная заинтересованность самой И.А. Антоновой, явно прослеживаемая в нашей переписке, и как следствие – последовавшее приглашение для встречи-концерта в 2003 г., достаточно скоро сменилось, мягко говоря, прохладой внимания к происходящему в Одессе. Во внешней публицистической среде следы их быстро потерялись, а социальные сети не снизили до публикаций весьма необычной первой мемориальной доски 2002 года. Мотивация этого охлаждения заметна и в интервью И.А. Антоновой в Итальянском дворике Пушкинского музея, которое может быть интерпретировано множеством факторов, возможно, и заметным остыванием ее недавнего желания побывать в Одессе в ответ на наше приглашение и убеждение в необходимости установки памятника Рихтеру в Одессе.

Естественные для большинства биографий «ЖЗЛ» годы детства и юности гениев, впрочем, как и главы знаменитых биографических романов, в данном рихтеровском случае явно оказывались не ко двору интересам столичного бомонда. Примером их неосведомленности послужил и ляп журналистов в сюжете ТК «Культура» о музее-квартире, в завершающей его фразе, о причине тайного приезда Рихтера в Одессу якобы с целью поиска могилы отца, когда об этом нигде речь не шла.

Но тем не менее именно таинственный одесский период биографии Рихтера продолжает быть окутан множеством мифов,

---

* Открытие памятной доски С.Т. Рихтеру в Москве состоялось спустя три года, в 2005 году, а в Житомире – в 2011 г.

легенд и ошибок, причиной появления которых грешили не только его биографы, близкие, друзья, а соответственно и СМИ, но и сам С.Т. Рихтер. Был ли в этом его умысел? Не нам судить! Но его склонность к мистификациям и театральность отмечали многие близкие, а таких конкретных фактов осталось достаточно и в материалах старых одесситов.

Итак, с одной стороны – громадный, интереснейший, насыщенный ярчайшими творческими событиями и сопутствующими подробностями весь послевоенный период, вплоть до кончины Рихтера в 1997 г. С другой – непонятный, неординарный, провинциальный, возможно, антисоциальный, нетрадиционный etc. отрезок биографии, персонально нежелательный со всех сторон: и для власти, и для общества (в том числе профессионалов консерваторий, включая доброжелателей и недоброжелателей).

Между тем именно этот период и сформировал Святослава Рихтера для последующего триумфа, что обнародовал Г.Г. Нейгауз, определив его гениальность. Но это оказался опасный скрытый «пиар» на грани фола: «шаг вправо, шаг влево – расстрел», «пиар», которого боялись и старались избегать многие его современники. Да и не могло быть по-иному, поскольку господствующая идеология не могла его открыто допустить, пропитывая своими установками гастрольные поездки, биографии, мнения, рецензии, все составляющие жизни публичной личности. Непредсказуемо появляющиеся предписания, указания «сверху», из темных подворотен партийной верхушки и составляли две «зоны»: «зону советской жизни» или «зону лагерной жизни» (при Сталине), впоследствии оставаясь «зонами советского или антисоветского существования».

Вполне можно согласиться с Ю. Башметом, что Рихтер не был «антисоветским элементом»,** о чем субъективно говорит Башмет в сюжете телепрограммы «Земляничная поляна...» и задолго до этого в одесском интервью.

Рихтер есть Рихтер, и показывал свое «место силы» художника вне этих двух «зон существования», в которые вовлекались добровольно или под воздействием многие выдающиеся личности,

** Это мнение Ю. Башмета вменяется в вину Б. Монсенжону и якобы прослеживается в фильме «Рихтер непокоренный».

демонстрируя свою лояльность или нелояльность. Одно только было его «слабое место» для такого внешнего воздействия – детство и юность в Одессе: мать и отец, их прошлая и довоенная среда. Здесь находилась ахиллесова пята художника, и скорее всего, она использовалась властью и ее приверженцами. Иначе чем можно объяснить столь длительное и даже пренебрежительное отношение к фактам важнейшей четверти жизни великого художника и одесским условиям, ее формирующим? Только изощренными манипуляциями и длительным многозначительным молчанием в ответ на публикуемые одесские материалы.

Вот почему ныне следует различать подходы к этим материалам со стороны Бруно Монсенжона и части российского музыкального бомонда.

Приглашающая в Одессу французского режиссера сторона в лице Лианы Кришевской (менеджер Баварского дома в Одессе) и д-ра Клауса Харера (Немецкий форум восточноевропейской культуры Потсдам) в своей организационной программе также не оставили ни малейшего информационного места для уникальных, практически не известных Монсенжону одесских материалов. Более того, зная о деятельности Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера с 2002 года, присутствуя на концертах «Ойстрах-Ассамблей», проводившихся в 2003 году, где впервые в Украине прозвучал на подворье Пасторского дома квартет Теофила Рихтера, встречаясь со мной в преддверии столетнего юбилея и достаточно зная о проделанной Миссией работе, этот оргкомитет не пригласил актив Миссии на встречи с Б. Монсенжоном. Если бы не настойчивое обращение к руководителям Баварского дома (в частности, Наталье Кён), никаких продуктивных контактов не произошло б, а Бруно Монсенжон так и уехал бы без малейшего намека на материалы одесского периода Святослава Рихтера.

Поразительно, что весь президиум брифинга Бруно Монсенжона в Шустовском пресс-центре и не собирался хоть каким-то образом его информировать об одесском периоде семьи Рихтеров или хотя бы поинтересоваться мнением режиссера об этом периоде, ограничиваясь замысловатыми вопросами о его творческом почерке и планах на будущее.

И до, и после прошедших встреч во всех СМИ одесский период биографии Рихтера даже не упоминался.

Не могу предположить, что организаторы были не знакомы с развернутыми материалами В.А. Смирнова, В.С. Максименко, а также опубликованными в таких изданиях, как «Зеркало недели» (2005, 2007), журнал «Музыка» (2005), публикациями одесской прессы, телепередачами и подборками статей в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Более того, и Л. Крышевская, и д-р К. Харер знали о подарке Миссии со стороны И.А. Антоновой и Л.Э. Кренкель факсимильной партитуры квартета Теофила Рихтера, переданного Миссией для исполнения квартету «Гармония мира» на «Ойстрах-Ассамблеях» в 2003 году. Спустя более чем десять лет наш общий пространственный разговор в саду одесского Дома ученых об авторских правах на запись этого квартета на CD в Германии имел свои проблемы.

Все это в преддверии приезда Б. Монсенжона и юбилейных торжеств по случаю столетия С. Рихтера ставит большой вопрос перед Л. Крышевской и К. Харером – каковы мотивы сокрытия большого массива материалов одесского периода Святослава Рихтера, уж очень совпадающего с последовавшей после 2010 г. столичной московской немотой о происходящем в Одессе.

Неужели Б. Монсенжону было бы неприятно узнать о большом вечере, организованном обществом «Хесед» и Миссией в 2003 году, посвященном Б. Монсенжону и его фильму «Давид Ойстрах: народный артист?» (а не просто «Д. Ойстрах...»), как перед его приездом анонсировалось? Фильм, о котором в то время широко не знали даже в Москве (а может быть, и знали, но скрывали) в силу его правдивости и содержательности в высказываниях С. Ростроповича, И. Менухина, Г. Кремера... Присутствовавшая на вечере аудитория (более трехсот человек и ведущая вечер искусствовед Анна Розен) выражали искреннюю благодарность не только мне, но и моей выпускнице И. Пастернак, тогда пришедшей ленту из Испании!

Могла ли обидеть Б. Монсенжона развернутая информация от Миссии, как общественность Одессы содействовала открытию памятных мемориальных досок Святослава Рихтеру (2002),

Бруно Монсенжон и Юрий Дикий у стенда с материалами об одесском периоде Святослава Рихтера

Давиду Ойстраху (2003), Теофилу Рихтеру (2013)? Или все материалы концертов и юбилейной выставки «Наш Святослав Рихтер» в Золотом зале Литературного музея?

Или же определенные круги старались скрыть от гостя множество сложностей, преодолеваемых Миссией в своей деятельности?

А вообще, показывали ли господа организаторы Б. Монсенжону эти памятные места? Кто и как это комментировал?

Как тут не вспомнить плагиат ректора Одесской консерватории г-на А.В. Сокола в беззастенчивом присвоении себе факта проведения Первого международного конкурса им. Д.Ф. Ойстраха, обсуждавшийся в 2004 г. в широкой прессе, как и провокации вокруг авторитетнейшего жюри относительно памятных мест связанных с его именем! Как вместо намеченного Миссией брифинга и возложения цветов к памятному месту, где родился гениальный скрипач, от членов жюри и большинства учеников Д.Ф. Ойстраха их повезли на винную дегустацию, соответствующую склонностям ее консерваторского организатора.

Каков был интерес и удивление знаменитого француза, было заметно на брифинге в Шустовском пресс-центре, когда пришлось вне программы г-жи Крышевской и спикера знакомить присутствующих не только с драматическими подробностями жизни семьи Рихтеров и их окружения, но и с особенностями его одесских привязанностей, продолжавшихся всю жизнь (вопреки установившимся мифам). Не могла не волновать одареннейшего музыканта и режиссера подлинность неординарных условий формирования гения в городе, подарившем миру блестящую плеяду не только музыкантов, а и поэтов, и литераторов, ученых и актеров, личностей, прославивших этот благодатный край.

В дальнейшем произошла наша встреча с Б. Монсенжоном уже в Житомире, на большой международной конференции, посвященной С.Т. Рихтеру, где удалось достаточно подробно познакомиться и Б. Монсенжона, и участников конференции с таинственно мифологизированным одесским периодом С. Рихтера.

Не обидели Б. Монсенжона и некоторые неточности в его фильме, в частности, адрес первого жилья семьи Рихтеров на улице Нежинской, улице, где обитали в тот период и первый ректор Одесской консерватории Витольд Малишевский, пригласивший Теофила Рихтера на фортепианную кафедру, и первая заведующая кафедрой вокала профессор Юлия Александровна Рейдер. И этот перечень можно было бы продолжать и продолжать вплоть до современности...

Интерес и благодарность Б. Монсенжона к этим материалам были выражены им в выступлениях на международной конференции и сюжетах Житомирского телевидения, снимая табу с материалов одесской резервации окружения семьи Рихтеров первой половины XX века. А это и семья Натальи Сергеевны и Татьяны Диомидовны Завалишных-Вербицких, близких родителям С.Т. Рихтера. Наталья Завалишина-Вербицкая – ученица Теофила Рихтера, многолетний и постоянный партнер игры молодого Светика в четыре руки вплоть до 1941 года. Практически ежедневные многочасовые занятия и громадный репертуар отражены в большой переписке с ней С.Т. Рихтера, неоднократно публиковавшейся, и свидетельствующие об одной из причин его частых довоенных отлучек из консерватории и телеграмм Г.Г. Нейгауза.

Полувековая содержательная переписка С.Т. Рихтера и инженера И.И. Володина (известного одесского коллекционера) Рихтером также нигде не упоминается. Она также была неизвестна Б. Монсенжону, но могла его заинтересовать. Она была впервые представлена в 2003 г. в музее-квартире в Москве. «Большую семью Володиных, – пишет в книге «Одесские этюды инженера Володина» И.И. Володин, – хорошо знали на Французском бульваре как старожилов Отрады и почитали... Вспоминаю, каким он – тогда просто Святослав – был в молодости, когда приходил к нам на Пироговскую. Он всегда играл на рояле долго, увлеченно и страстно. Еще тогда мы предвидели в нем большой талант музыканта, хотя у нас в доме бывали и другие одаренные певцы и музыканты... композитор Артур Топузо... певец Лаптев – впоследствии народный артист, композитор Володя Фемилиди...»

«По-человечески мне жаль нашего именитого земляка, – пишет И.И. Володин. – Я знаю, как он переживал, отказывая себе во встрече с Одессой... Впоследствии я дарил Святославу на добрую память небольшие этюды, пейзажи, виды Одессы, такие как «Потемкинская лестница», «Вид Воронцовского дворца», «Арбузная гавань» – работы одесских художников Дворникова, Бальца и другие. Рихтеру они нравились, и он благодарил меня за внимание».

На встрече-концерте в 2003 г. Л.Э. Кренкель интересовалась у меня личностью Изабеллы Леви, подарившей С.Т. Рихтеру большой гобелен, висящий поныне в большой гостиной («зале», как говаривал Рихтер) с ее дарственной подписью. И по сегодняшний день во всех изданиях о музее-квартире мы обнаруживаем анонимность этого гобелена, тогда как это подарок дочери доктора Г.С. Леви, лечившего маленького Рихтера от менингита.

Все эти и другие многочисленные материалы неоднократно публиковались и уже были достаточно распространены до приезда Б. Монсенжона в Одессу, чтобы быть показанными именитому гостю, документальные материалы большой главы рихтеровской биографии, доказывающие истинное значение музыкальной Одессы во всех противоречиях того периода.

Но что еще, на наш взгляд, для Б. Монсенжона могло быть чрезвычайно важным, это пребывающие под сомнением подлинность чувства к городу юности С.Т. Рихтера, тайно заказавшего

своему одесскому другу Леониду Кисловскому и Наталье Журавлевой (дочери ближайшего друга Дмитрия Николаевича Журавлева) съемку любимых мест Одессы по заранее подготовленному им плану. Не переключается ли эта фотодокументалистика с тематикой подаренных полотен инженера И.И. Володина? А это и здание лютеранской церкви (кирхи), и здания бывшего германского консульства, а ныне детской поликлиники, и родительского дома на Нежинской, 32, и другие памятные для Рихтера места.

Как этот тайный план соотносится с известной публикацией знаменитого рихтеровского «плана новогоднего вечера» с таинственным сюжетом «Шемаханская царица» (Н.С. Вербицкая-Завалишина)?*

Незабываемые воспоминания, драгоценно сохраняемые в душе великого музыканта, имеют полное право в своей подлинности на достойное место в мировой истории.

Ф. К.: Мы с тобой, Юра, принадлежим к тому поколению – рубежному, что ли... Хотя я и постарше тебя, но, как писал Бабель, «нас волновали одинаковые страсти», а еще – одинаковые реалии огромной послесталинской страны, и пусть не всегда одинаковые, но общие интересы к тому, что приходило в нашу жизнь из прошлого, настоящего и, вероятно, будущего. Речь идет о феноменах культуры и искусства, открывающихся перед молодыми людьми в конце 50-х – середине 70-х годов минувшего века.

Думаю, ты согласишься со мной, что Одесса того времени дарила нам общение с особыми земляками – теми, кто вырос, учился, дружил, сотрудничал с выдающимися людьми конца XIX – начала XX века, когда в Одессе зарождались, формировались и выходили на мировой уровень школы – литературная, музыкальная, живописная, работали выдающиеся режиссеры, актеры театра и кино... А главное, нам посчастливилось стать вхожими в знаковые одесские семьи, а то и самим стать их частью...

Но не меньшей удачей стало и то, что в самом начале жизненного и профессионального пути меня окормляли (есть такое старинное церковное понятие, но оно, полагаю, не имеет

* См. «Шемаханская царица Святослава Рихтера». – Еженедельник «Зеркало недели». Вып. № 38, 30 сентября – 7 октября 2005.

ни конфессиональной, ни национальной коннотации) добрые старшие друзья, приветившие молодого человека, не имевшего тогда ни порядочного образования, ни положения в обществе и несмело подававшего надежды. В нынешнем диалоге назову лишь тех из многих, кто был связан с героями нашей истории, – Эмилем Гилельсом и Святославом Рихтером...

О семье Татьяны ты уже рассказал, я же начну с Великановых. Напрямую их эта профессорская семья не была связана с музыкой (как, к примеру, Циклисы, Гешелины, Дикие, Потаповы), но в их гостеприимном доме бывали практически все яркие и знаменитые деятели искусств, посещавшие Одессу.

Дмитрий Николаевич Журавлев – великий мастер художественного слова. В конце 50-х он приезжал в Одессу с программой, включавшей произведения Исаака Бабеля, тогда только-только входившего в жизнь нашего поколения. Я уже читал его прозу, но именно от Журавлева услышал шедевр Бабеля «Ди Грассо»...

...Я подружился с дочерью Дмитрия Николаевича Наташей, моей ровесницей, студенткой театрального вуза, и спустя год-другой я стал гостем Журавлевых на первом этаже дома на Арбате, где жили актеры Вахтанговского театра. Однажды был свидетелем того, как в гостиную ворвался, как раз к чаю, молодой блистательный Олег Табаков – любимый ученик Журавлева. Первым делом он сообщил, что на полученный гонорар от нескольких фильмов наконец-то купил маме (в Саратове) первую шубу. На это Дмитрий Николаевич ответил: «А мне Светик сегодня привез с гастролей в Англии концертный костюм...».

Я не знал, кто таков этот Светик, но почему-то его запомнил. Прошло несколько лет – я встретился с Таней и от нее вновь услышал это детское имя. Так в довоенной Одессе называли в ближнем кругу юного Святослава Рихтера, с которым судьба свела Наталью Сергеевну и всю семью Вербицких-Завалишиных.

...Прошло еще несколько лет, и мы с Таней вошли в ближний круг замечательной семьи Ойгензихт-Горовиц, жившей в маленькой квартирке общежития музыкального училища на Мечникова. На этажерке с книгами – фотографии Давида Ойстраха и Эмиля Гилельса с дружескими пожеланиями, присланные друзьям из разных стран.

За знаменитым чаем Раисы Исааковны собирались ее консерваторские ученики и коллеги С тех пор мы в добрых отношениях с Анатолием Дудой и Верой Беляевой, дружим с их сыном Алексеем Ботвиновым (его педагог – аспирантка Г. Нейгауза С.Л. Могилевская). В Одессу часто приезжали и супруги Милкис – концертмейстеры знаменитого Ленинградского симфонического оркестра, оркестра Мравинского. И у них был сынишка, черноглазый Юлик. В прошлом году один из самых знаменитых кларнетистов мира Юлий Милкис принимал участие в ботвиновском фестивале «Odessa Classics». После концерта мы вспоминали Раису Исааковну и Семена Борисовича...

Потаповы. Дед поэта Влады Ильинской (в будущем – выдающийся математик, тогда Володя) учился с Милей Гилельсом в классе фортепиано профессора Одесской консерватории Берты Рейнгальд. Всю жизнь она слышала от матери-музыканта о великом Гилельсе... Но вот недавно газета «Вечерняя Одесса» затеяла выпуск Одесской детской энциклопедии, и Влада выбирает в герои своего очерка Святослава Рихтера, потрясенная его личностью и судьбой... Ее очерк называется «Камертон ветра» и выражает чувства и мысли поколения одесситов XXI века.

«Унесенные ветром...». Несколько лет назад мы с Таней так назвали статью в альманахе, где она (по натуре не склонная выставлять на обозрение свои чувства и воспоминания), по сути, впервые рассказала о сложной судьбе своей семьи, пережившей вместе со страной все повороты истории с неизбежными потрясениями и утратами. Самые драматические, да и трагические воспоминания связаны с тридцатыми годами прошлого века, когда Вербицкие-Завалишины вместе с друзьями – семьей Рихтер – оказались в ситуации, ежедневно грозящей очередными испытаниями, которым подвергались тогда выходцы из дворянских, офицерских, да и интеллигентских кругов, жившие в Одессе.

Замечу: тот «киношный» заголовок и сегодня представляется точным и лаконичным. Им и закончу свои и Танины воспоминания о последней – заключительной части симфонии «Одесса», где за много обещавшим *allegro* звучит и финал.

Коротко. Обе семьи после войны – опять же, уносимые ветром – осели в Германии, где Наталия Сергеевна и маленькая Таня

часто гостили у Анны Павловны Москалевой – матери Святослава Рихтера. После возвращения Вербицких в Одессу (уже в годы «оттепели») наладилась связь со Светиком – великим музыкантом, который вовсе не забыл Шемаханскую царицу... Завязалась переписка, которая длилась многие годы. К нам, на Успенскую, 119, приходили не только его открытки и письма со всего мира, но и бандероли с пластинками, где звучали произведения, которые они когда-то играли вместе...

В середине 70-х Таня заканчивала московскую аспирантуру и часто бывала в столице. Наталия Сергеевна поручила ей встретиться со Светиком (так она его называла до самого конца)... Я попросил Наташу Журавлеву организовать эту встречу, и наша подруга пошла с ней на концерт Рихтера в Концертном зале имени Чайковского. Когда смолкли аплодисменты, они поспешили за кулисы, где их должен был ждать Святослав Теофилович, знавший, что Таня в зале... Их встретили сообщением, что Рихтер внезапно уехал...

Когда-то – по свежим следам этой коллизии – мне его поведение представлялось если не возмутительным, то не соответствующим романтическому образу. Но сегодня, когда нет уже на земле ни мальчика, ни молодой женщины, игравших в четыре руки Гайдна, я бы назвал его и естественным, и странным. Ибо Рихтер (вспомним, что он – сын австрийского органиста и русской дворянки с немецкими корнями) представляется мне заколдованным странником – вроде вагнеровских оперных персонажей... Рискну предположить, что Одесса, в которой он пережил детство, отрочество, юность, осталась мифической страной, а Шемаханская царица должна бы оставаться и спустя жизнь столь же прекрасной. А тут – ее взрослая дочь...

ФИНАЛ. И Гилельс, и Ойстрах с их блистательной и несколько пафосной, быть может, имперской судьбой, и Рихтер с его пограничием между богоизбранностью и отстраненностью...

